

ПОЭТОНИМИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОСФЕРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Мы живем в мире определенных хрестоматийных текстов, т.е. наше ментальное пространство населено ключевыми именами культуры, под которыми понимаются уникальные, показательные для культуры ономастические единицы, особый тип словесных знаков, способных аккумулировать культурную информацию и функционировать как свернутые диахронические национально-культурные тексты.

Объектом нашего исследования являются литературные имена собственные – поэтонимы. Конденсируя в своей семантике необходимые образные смыслы, поэтоним отображает индивидуально-авторское понимание событий и фактов, описанных в созданном воображаемом мире, передает читателю скрытую информацию, извлекаемую благодаря способности имени порождать ассоциативные и коннотативные значения. Справедливо будет утверждать, что организация всех типов знания индивида определяется культурой того языкового сообщества, к которому он принадлежит. Приведем лишь несколько примеров, используя данные «Русского ассоциативного словаря», где предлагаются реакции на слово-стимул, которые встречаются только в русскоговорящем лингвокультурном сообществе: *мечтать* – *Татьяна Ларина*; *повеса* – *Онегин*; *наказание, бедняга, залог, перекресток* – *Раскольников*; *запас* – *Плюшкин*; *масло* – *Аннушка*.

Приведенные поэтонимы, несомненно, принадлежат так называемому «языку культуры», в который входят хрестоматийные, общеизвестные, неоднократно используемые знаки, т. е. прецеденты: *Можно сказать, что все мы потомки Ильи Ильича Обломова. Обломов – фигура в нашей культуре очень важная. В целом положительная, благородная личность* (АиФ 2005, 12.01). В результате анализа собранного материала выяснилось, что среди прецедентных имен лидерами по частотности образного словоупотребления в современных газетных текстах являются поэтонимы *Раскольников* (8,2%) и *Обломов* (7,3%). (Ср. *Чацкий* (3,5%), *Онегин* (3,2%), *Хлестаков* (2%)). Хочется отметить, что поэтоним *Обломов* характеризуется наибольшей эмоциональной насыщенностью, сильной степенью мифологизированности, зависимостью от социального контекста и особой склонностью к семантическим трансформациям. Рассмотрим эту посылку на конкретных примерах.

Образ Обломова, за которым стоит фрагмент нравственно-психологического содержания нашей картины мира, выступает как отправная точка в системе **социальных координат**, инструментом социальной идентификации и самоидентификации. *Столь характерный для русских откат в равнодушие, апатию, скуку, хандру, пьянку, бездействие, в анабиоз, в смерть заживо (Илья Муромец) есть не что иное, как тоска по языческому Хаосу. Ностальгия по первому миру, по временам до-творения, к которым русские, очевидно, мистически причастны. Тот же Обломов, с его полубодствованием-полусном, в тумане, в нигде надевающий по полдня один носок; пребывающий в полужизни – в полусмерти. Одной ногой, обутой и теплой, – здесь; другой, босой на холоду, – там. Русский бунт, русская лихость, прославленный полет птицы-тройки в никуда – все это обратная сторона, изнанка апатии и хандры* (НГ, 2005, 11.08).

Подобно фигурам на шахматной доске, языковая личность обнажает конфликты, сталкивает друг с другом Обломова и Штольца как носителей определенных духовных начал, вечных истин или вечных проблем. использует эти фигуры как «золотой ключик», отмыкающий сокровенные тайны человеческого духа: *Пришли иные времена. Оказалось, что людей с железной хваткой Штольца у нас предостаточно. И что же? Витающий в эмпиреях, непрактичный и мечтательный, едва ли не юродивый, Илья Ильич в своем илафроке все равно милее сердцу* (НГ 1999, 21.12).

Апелляция не к абстрактным идеям, а к конкретным образам в их оппозиции друг к другу способствует достижению прагматической цели сформировать амбивалентный образ России, так что прецедентные имена только задают систему противопоставленных координат и ценностную сетку: *Наш народ сам любит быть Иваном-дураком, а не власть его наделяет такими качествами. Доброму, хорошему человеку Ивану должен ни за что с неба упасть лакомый кусок. И его жизнь должна кончиться не инфарктом, как у Обломова, а райским наслаждением. Барин Обломов живет мещанской жизнью, у него все есть. Поэтому он – теряет, а Иван у которого ничего нет, – только приобретает. Какова мораль? Хороший человек тот, у кого ничего нет: ни ума, ни денег. К нему-то и приходит счастье* (НГ 2005, 1.04).

В процессе семантических трансформаций может происходить радикальная смена ценностного знака прецедентных имен (ПИ), быстрые переходы от деканонизации (перевод «святого» в ранг «демона») и реканонизации (восстановление статуса «низвергнутого» героя, его «историческая реабилитация»): *В таком прекраснородушном мире пухлая личность Ильи Ильича Обломова смотрится вполне гармонично: глядите-ка – вот он, наш герой. Наш русский принц, наш идеал. Все советское бесовское время его подлинный характер скрывали, и вот теперь он на арене нерасчелеский, пушистый, умный, смешной. И настоящий ЧЕЛОВЕК!* (НГ 2005, 13.03).

Учитывая ярко выраженную мифологическую насыщенность ПИ, шкала психологических свойств располагается по линии «прекрасное/ужасное», «герой/злодей»). Исследователи отмечают, что ПИ делятся на универсальные, входящие в культурный фонд человечества (типа *Моцарт* – гениальность, *Иуда* – предательство, *Гитлер* – злодейство), и «национально-детерминированные», т.е. те, которые разделяются только представителями более локальных культурных сообществ, у которых есть свои «национальные герои» и свои «национальные злодеи»: *Западный человек считает, что ему необходимо некоторое усилие, чтобы стать человеком в подлинном смысле слова, как образом Божиим – отсюда учеба, труд, ежедневное преодоление трудностей мира сего, жизнь как долг. Восточный обладает образом и подобием Божиим изначально, он спасен ныне и присно и во веки веков (...)* И тот и другой путь запутан, как два разросшихся лабиринта, которые никогда не сойдутся. Уследить все тропы невозможно, сверху увидеть – не дано. Но если свести к архетипу, то он нам известен со школы – *Обломов* и *Штольц* (НГ 2003, 23.10).

В ПИ с особой очевидностью также присутствует технология минимизации, с помощью которой в массовом сознании актуализируется минимальный набор признаков (нередко один признак), с помощью которого происходит моментальное соотнесение имени *Обломов* с «качеством» или «свойством» в культурном сообществе: 1) инфантильность: *Трудно вообразить, что когда-то он (герой) был способен на решительные поступки, вроде побега с любимой. Скорее, инфантильный герой, такая реинкарнация Ильи Ильича из пьесы того же автора и спектакля Облом-off – все та же тоска по цельности, та же невозможность цельного существования* (НГ 2006, 17.03); 2) отстраненность, своеобразный русский дзен-буддизм: *Водочный человек типично русский. Обломов. Незнайка. Дарвин и пророк. Шлемазл и неудачник* (НГ 2004, 7.10); 3) любовь к России: *Можно сказать, что все мы потомки Ильи Ильича Обломова. Обломов – фигура в нашей культуре очень важная. В целом положительная, благородная личность* (АиФ 2005, 12.01); 4) неторопливость: *Я живу, как Обломов. Нет, я работаю, езжу на фестивали, но все как-то без надрыва, не так, как у других актеров. Надо жить, как живется* (АиФ 2000, 30.10); 5) лень: *Обломов и Емеля в одном флаконе. Мы предпочитаем получать средства не по труду, а по желанию и потребностям. Лень у нас в почете* (АиФ 2003, 24.09).

Система прецедентных имен представляет собой, по сути дела, систему эталонов национальной культуры. Эталон же можно понимать как образную подмену свойства человека или предмета какой-либо реальностью-персоной, реальность, выступающая в функции "эталона", говорит не о мире, но об «окультуренном» мировидении: *На вопрос «НГ», что такое Россия в сознании Гринуэя, режиссер ответил: «Прокофьев, Эйзенштейн, все клише – Пушкин, Толстой, Красная площадь. Обломов»* (НГ 2001, 15.11).